

А.Ю. Кузнецов

## К ПРОБЛЕМЕ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ ПОНЯТИЙ В ГЕНЕЗИСЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕОРИЙ

После завершения методологической монополии философское сообщество, оказавшееся в растерянности, внимательно всматривается в тенденции самоопределения философии, которые явно и не очень характеризуют современное ее состояние. Несмотря на то, что до завершения процесса самоопределения достаточно далеко, *актуальной* видится задача исследования генезиса теоретических моделей социальной философии, зарекомендовавших себя как критическим, так и эвристическим потенциалом.

Как хорошо *известные авторы* (Адорно, Рорти, Апель, Хабермас, Фуко), так и *философы нового поколения* (Wagner, [1] McCarthy, [2] O'Connor[3] и др.) постоянно обращались и обращаются к вышесформулированным проблемам, которые в свою очередь меняют если не существенность, то эпифеноменальность своего сопровождения.

Врываясь в срединно-парадигмальную благодать уверовавших в себя социосообществ, анонимность и произвол действующих социальных сил проявляют себя характеристиками нового, маргинального состояния. Здесь маргинальный период понимается, с одной стороны, в качестве результата процессов, приведших к утере оснований (методологических, аксиологических, гносеологических либо любых других); а с другой – хронотопа, в рамках которого аморфность уплотняется до генезиса оснований, претендующих на доминирование.

Одним из примеров, на который можно ориентироваться в мире различных социальных теорий в настоящий период, с полным правом претендующего на статус маргинального, являются варианты современной критической теории. Нас данная теория интересует возможностями кумулятивной преемственности научных сообществ, прежде всего в концептуальной сфере. Нельзя не отметить, что множественность форм социального критицизма предполагает аналитическую работу по их рассмотрению и поиску инвариантных им всем оснований. В то же время критическая теория выступает для нас формой возможности собственного мышления, а не воспроизведением чужих мыслей.

В чем гносеологические основания критической теории? Ответ на этот вопрос содержится в ряде работ представителей франкфуртской школы и прежде всего в основоопределяющей стиль всего философствования школы работе Хоркхаймера «Традиционная и критическая теория», где понятие

«критическая теория» было предложено впервые.

Когда в 1930 году к руководству Институтом социальных исследований приходит тридцатипятилетний Хоркхаймер, следует заметить, что за 5 лет до этого он защитил диссертацию, темой которой был анализ знаменитой работы не менее знаменитого кенигсбергского автора – «Критики способности суждения».

Традиции выведения критической теории либо из Канта, либо из Маркса ограничивают историю критических эскапад социальных теорий, генезис которых восходит к Торе и редукционистским негациям Гесиода. Наиболее явно социо-критические инвективы в адрес порядка древнегреческого полиса можно найти в сократо-платоновской традиции. В принципе, можно говорить о тривиальности тезиса о критической функции философии, но современное состояние дел показывает, что институционализация философии предполагает наличие у последней карт-бланша критики только собственных оснований, а такие частности, как особенное в социальном, предполагаются в качестве ничтожного для претендующей на всеобщность сферы знаний. Предметом философской критики должны выступать как минимум законы диалектики или проблема интенциональности, в крайнем случае, персоны философии, отмеченные в философских святцах. Но все то, что относится к институциям социальным, ангажированным масс-медиа и разноцветным пиаром – сфера абстрактных дискурсов и властей.

Однако подобного рода попытки снимаются имплицитно содержащимся в понятии рациональность содержанием, которое артикулирует себя вовне в исторически различных формах. В этом смысле та же критическая теория выступает формой сублимированного протеста, тем самым становясь фрагментом социальной практики. В то же время общество как объект социальной практики нивелируется современными микросоциологами до уровня декомпозиции. На смену понимания общества в телеологическом смысле приходит теория сопредельных общественных конструкторов и институций, инжинирингом которых и следует якобы заниматься социологам и подвизающимся в этом жанре.

Следует отметить, что, как бы ни интерпретировалась философская рациональность, инвариантами в этих интерпретациях остаются нормативность, универсализм и конвенциализм, иногда трактуемый как метаэтика научных сообществ. Что касается нормативности, то рациональность претендует на обязательность для всех участников ее мизансцен, и прежде всего для неофитов. В этом смысле она может претендовать на однозначность, граничащую с тоталитарностью. Требования приведения мысли к порядку путем исполнения определенных процедур –

одно из условий рациональности, жест, артикулирующий аутентичность философской деятельности. Универсализм же рациональности эманирован всеобщей упорядоченностью и связностью вещей в пространственно-временном континууме контекста трансцендентальной эстетики Канта. А конвенция, понимаемая как специфическая этика, по крайней мере противопоставляется профанным допущениям уровня «О вкусах не спорят», оставляя за собой право неприятия безвкусицы, хотя в данном примере на первый план выходит эстетическое, а не этическое.

Леворадикальные традиции института социальных исследований, несомненно, детерминировали дальнейший пафос исследований франкфуртцев, особенно в период «исхода», когда Женева, Париж и Америка последовательно привечали философов-изгнанников.

И когда в 1929 году неопит направления Г. Маркузе в работе «Очерк по феноменологии исторического материализма» предлагает попытаться синтезировать феноменологическую редукцию своего учителя, Гуссерля, и социологические эскапады Маркса, в последствии окажется, что именно в этой работе сформулированы разрушительные основания критики естественнонаучного характера развития общества, краеугольного камня исторического материализма. Именно здесь оговариваются объективные закономерности как основания несвободы, проявления отчуждения, опредмечивания человека, овеществления. Чуть позднее Маркузе в своем понятии «негация» предвосхитит теорию «негативной диалектики» Адорно.

Назвав свою социальную программу «критической теорией», молодые франкфуртские философы избрали предметом своей критики существующие социальные структуры, независимо от географии и топологии. Естественно, что рядолежащие во времени социальные теории, которые не могли получить иного названия, как традиционные, не устраивали франкфуртцев не только в своих социальных фрагментах, но и в гносеологических, аксиологических, методологических – т.е. философских.

По своей природе социальная критическая философия может быть представлена как жанр с большей или меньшей степенью философичности. От Платоновского государства к утопическим смыслам Дезами и Кабе, от марксистской теории к «лучшей из тех, что есть» Хайека и Поппера.

Выше уже говорилось о научной теме исследования Хоркхаймера – одна из форм кантовской критики. Вполне естественно, что претензии критической теории, апелировавшей к изменению места метафизики во всех ее проявлениях – гносеологических, аксиологических, методологических, – были направлены в сторону сосуществующих как крайности социальных конструктов.

В частности, эпистемологический субъект оказывается в ситуации противопоставления, амбивалентности своих собственных оснований и внешней децентрализации. Амбивалентность же в современных постмодернистских интенциях иногда трактуется как основание шизофренического мировоззрения. При всем нашем негативном отношении к введению в контекст исследования психологических мотивов, следует подчеркнуть, что в данном случае коннотации расколотого мировоззрения вполне уместны. Иллюзия того, что мышление есть единственная форма конструирования действительности, достаточно хрупка при компаративном анализе сосуществующих «действительностей». Так, парафреник галлюцинирует чрезвычайно яркими образами, перемежая галлюцинации с адекватным восприятием действительности. Маргинальность подобного состояния со времен Гвинслейна породила вырождающуюся цепь определений, где «инволюционная», или «поздняя», парафрения убеждает в сомнительности множественного предикатирования, в котором родовым диагнозом является паранойя. При последней неадекватность поведения есть особенная артикуляция дискурса, вербальная форма которого вполне систематизирована и в основном логична. Причем неадекватное артикулирование прогрессирует во времени и имеет свою историю.

Здесь же можно говорить о самоидентификации эпистемологического субъекта с автономно существующей концептуальной парадигмой, и прежде всего «ключевыми понятиями» или «краеугольными камнями». Большинство теорий, прежде всего социальных, под таковыми понимают собственные догматические основания.

Маргинальный период лишает эпистемологического субъекта автохтонности, претензий на привилегии «конституирования мира». Оказывается, подобного рода претензии реализуются вне экзистенции чувствовавших себя харизматиками субъектов, монастырем которых становится сама маргинальность.

Следует отметить, что ранее доминировавшие основания, как бы страстно они не дезавуировались, кумулятивно конвергируют в изначально аморфное концептуальное пространство. Табуирование на понятие осуществляется по степени одиозности последних в новых концептуальных парадигмах.

Как бы ни различались требования к научной форме теорий, в том числе и социальных, помимо критических эскапад они должны отличаться от профанных деклараций постоянно витающей тенью рефлексии, охраняющей флер академичности. Первым же знаком этой академичности выступают определения, долю остенсивности или вербальности которых задает сам

исследователь. Однако известно, что ни одна теория не обходится только вербальными определениями.

Специальным же методом выяснения содержания определений является идеализация, в частности идеализация ключевых понятий теории. В силу этого можно *сделать вывод*, что не только идеализированные понятия, но и сами теории как форма контекста сущностны только относительно собственных идеализаций. На этапе же генезиса теорий, в том числе и социальных, происходит селекция определений, исходя из новых реалий социальной организации бытия – аксиологического, гносеологического и методологического.

*Литература:*

1. Wagner P. A Sociology of Modernity: Liberty and Discipline. L.; N.Y.: Routledge, 1994.
2. McCarthy, Th. Ideals and Illusions: On Reconstruction and Deconstruction in Contemporary Critical Theory. Cambridge, Mass; London: The MIT Press, 1993. P. 1.
3. O'Connor. Adorno's Negative Dialectic: Philosophy and the Possibility of Critical Rationality (<http://www.amazonfembks.com>)